

ГЕОРГИЙ ПЕРСИКОВ

РЕТРО-
ТРИЛЛЕР

ЛОВЦЫ ЧЕРНЫХ ДУШ

ДЕЛО
МЕДВЕДЯ-ОБОРОТНЯ

Георгий Персиков
Дело медведя-оборотня
Серия «Ловцы черных душ.
Ретро-триллер», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69430510
Дело медведя-оборотня: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-154034-0

Аннотация

Тихую деревеньку на окраине бедной отдаленной губернии сотрясает череда жестоких убийств. Невинные дети, заплутавшие в лесу, становятся жертвами разъяренного зверя. Обломанные деревья, следы лап и когтей, разорванные до неузнаваемости тела указывают на бешеного медведя-людоеда. Но так ли дело обстоит на самом деле?

За расследование берутся петербургские сыщики особого отдела по борьбе с маньяками во главе с Романом Муромцевым. Команда находит зацепки, указывающие на виновность хладнокровного убийцы, а вовсе не разбушевавшегося животного. Губернские власти бездействуют и упорно закрывают глаза на улики. Местные жители винят в зверствах некоего берولاка – получеловека, полумедведя.

Бесстрашные сыщики открывают методичную охоту за «оборотнем», чтобы предотвратить появление новых жертв. В процессе им открывается неприглядная истина: самый опасный и безжалостный хищник – это человек.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	17
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	58
Глава 8	66
Глава 9	73
Глава 10	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Георгий Персиков

Дело медведя-оборотня

© Г. Персиков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Братья прошли уже версты три, минуя бурелом, огибая болото и крепи, залитые жидкой грязью, и как раз поднимались на сопку, когда сумерки наконец рассеялись и солнце осветило осенний лес: темные елки, ржавые пятна березового подлеска, – разогнало туман, застоявшийся в прогалинах. Отсюда, с горки, было видно, как диск цвета раскаленного металла медленно выглядывал из-за покато́го плеча дальнего шихана, и мальчики остановились, пыхтя и вытирая носы после долгого подъема.

– Вот! Вон там его логово! Смотри, смотри, Антоша! – Герман торжествующе указал на темно-зеленую кляксу елового бора, начинающегося прямо у подножья сопки. – Точно как старик Алёха Ляткин говорил, к востоку от сопки, слева – болото, справа – река. Там, там зверь сидит!

Мальчик пылающим от азарта взглядом пытался проникнуть сквозь переплетение еловых веток, мысленно уже представляя себе передовицу городской газеты: «Отважный гимназист Герман Синицын спас поселок от чудовища!» – и большую фотографию, на которой он, опершись на ружье, попирает ногой гигантскую бурую тушу, в точности как на иллюстрации из книжки Луи Буссенара... Старший брат Германа стоял рядом, тяжело дыша и поправляя длинную берданку, несуразно повисшую на ремне за спиной. Из-за ру-

жья мальчишки перессорились еще ночью в поселке, но Герман, пухлый и румяный, был на целую голову ниже брата, и ружье, когда он пытался его нести, волочилось по земле, это выглядело вовсе не по-геройски и даже немного смешно, так что, после долгих споров, берданку пришлось уступить высокому и худому Антону.

Братья Синицыны были погодками, но оба учились в третьем классе гимназии. Антоша – старший – на прошлую Пасху тяжело переболел скарлатиной и едва не помер. Последствиями болезни, несмотря на все старания их отца, земского доктора, стало не только отставание в учебе, но и худоба, не по-ребячьи хмурый нрав и вечное выражение досады, застывшее на вытянутом лице. Антон уперся руками в тощие колени, давая отдых спине, и смотрел, как солнце медленно выходит из-за горного склона.

– Ну все, Гера... Теперь уже нас точно хватились... И что ружье пропало, тоже наверняка заметили... Фух...

Герман покосился на брата с раздражением, но сразу же снисходительно вздохнул и вернулся к внутреннему созерцанию своего будущего подвига. Антоше в его мечтах уделялась роль верного Санчо Пансы, а значит, ему, по должности оруженосца, полагалось быть трусоватым и недоверчивым.

– Да не хватились, не бойсь ты, сколько повторять! – отвечал он, не отрывая взгляда от темневшего внизу бора. – Папеньку еще ночью на роды позвали аж в Горелово! Туда ходу часа три или больше! К обеду вернется, не раньше, а то

и вовсе в Горелово обедать останется, если уговорят...

— А маменька? — не унимался старший.

Он со вздохом опустил ружье в траву и уселся рядом на камень, вытянув худые ноги. Герман презрительно фыркнул в ответ.

— Что маменька? Она по воскресеньям спит чуть не до полудня! И вообще, что мне маменька? Глупости! — Он снял фуражку, расчесал пятерней рыжеватые кудри и в который раз принялся втолковывать брату: — Да ты пойми, когда мы подстрелим медведя, никакого спроса с нас не будет. Нас на руках по всему поселку носить станут, в газете напишут! А награду какую за голову зверя дают, слышал? Да что тут говорить... А маменька поволнуется немного, поплачет да простит, когда все узнает. Мы ведь это и для ее защиты делаем, понял? Дай лучше воды попить, что пыхтеть попусту? Теперь нам без добычи обратно возвращаться никак нельзя.

Антоша недоверчиво покачал головой и протянул брату алюминиевую флягу. Он-то знал, что маменька уже переживает. А если обнаружит, что из отцовского кабинета ружье пропало — ох, тут даже представить страшно. Она и так сама не своя с тех пор, как нашли первую девочку.

Девочка была из семьи башкир, что жили на хуторе к востоку от поселка, ближе к реке Белой, и промышляли пчеловодством. Восемилетняя девчушка пошла отнести обед отцу и старшим братьям, что трудились на пасеке, но те ее так

и не дождались. В сентябре у пасечников работы неувпроворот, и ребенка хватились только к вечеру. Искали, кричали, потом у дороги в подлеске увидели разбросанные лепешки и раздавленную плетеную корзину. Переглянувшись, молча ринулись в лес и за полверсты от кромки, за кустами вереска нашли...

Старик-башкир с сыновьями, обезумев от горя и жажды мести, три дня, не смыкая глаз, прочесывали окружный лес кочка за кочкой, пенек за пеньком, но не увидели ни следа, ни шерстинки медведя-людоеда, разорвавшего ребенка на куски. Словно косолапый, разгромив все вокруг и совершив страшную трапезу, исчез, как и не было. А на четвертый день пропала еще одна девочка, в этот раз из самого поселка. Играла в прятки с подругами и вдруг исчезла. Звали ее, аукали, а как сообразили что к чему, так сразу побежали к сотскому старосте. Нашли ее только на следующий день далеко в чащобе за поселком. Лес вокруг был изломан, а тело обезображено так, что не оставалось сомнений: здесь орудовал крупный бурый медведь.

По поселку поползли слухи, одни других страшней и нелепей, народ волновался и требовал от властей защиты. Собрали охотников, больше из мордвы и башкир, которые лучше всех здешние леса знали, объявили награду за голову зверя. Из губернского города Д., что стоял всего в десяти верстах к северу от поселка, приехал полицейский инспектор, а также богатые господа в охотничьих жилетах, с собаками, рожками

и английскими ружьями.

Вся эта компания, набрав закуски, отправилась в лес и устроила там настоящий призовой тир. За пару дней повыбили, а по правде, больше распугали, всего хищника в округе, от самой степи до пологих предгорий дальнего шихана. В поселок привозили рысей и лисиц, волков без счету и даже нескольких бурых медведей. Но людоеда среди них не было – это бывалые охотники говорили с уверенностью. Подстрелить удавалось то медвежонка-трехлетку, то старого, то хворого и облезлого медведя. Между тем тот, на которого объявили охоту, точно был матерым самцом огромного размера, об этом говорили обломанные деревья, кора, ободранная гигантскими лапищами, и главное – маленькие жертвы, буквально разорванные на части. Ничего похожего на такого лесного великана приезжие охотники сыскать не смогли.

Несмотря на это, в поселке регулярно разгорались споры из-за обещанной награды, но все было пустое. И когда по главной улице, поднимая пыль и победно улыбаясь, проехал молодой черноусый офицер, окруженный сворой собак, старик Леха Ляткин только крикнул, презрительно провожая всадника прищуренным взглядом.

– Видал, Алеха, у него ружье фабрики Винчестера! Рублей пятьдесят стоит, не меньше. Что скажешь, можно из такого ружья медведя-людоеда подстрелить? – с деловым интересом спросил Гера, рядом стругавший палочку на ступеньках крыльца.

– Можно. Но только ежели он сам не против будет, – улыбнулся Лёха одной стороной рта, поймав удивленный взгляд мальчика. – Тебе бы все из ружья палить, Герка! А это на охоте дело последнее. Зверя сначала выследить надобно, потом к нему подойти... А там уже и ружьев не надобно, можно и рогатиной обойтись – медведь сам на рожон полезет. Главное, чтобы напарник был хороший. Одному на такой охоте тяжело...

Старый мордвин наморщился и привычным движением поправил калечную ногу, покоившуюся на ступеньке крыльца. Много лет назад он считался лучшим охотником во всем поселке, до той поры, пока ранней весной его не помял дурной и разъяренный спросонья медведь-шатун. Леха месяц пролежал при смерти, но все-таки выжил, правда, половина лица его превратилась в сплошной шрам, а левая нога теперь нелепо торчала в сторону под углом и больше не сгибалась. За это злые гимназисты дали Ляткину прозвище Циркуль, но называли его так только шепотом, опасаясь получить зуботычину от буйного Геры Синицына, всегда заступавшегося за Лёху.

Гера со своим братом частенько сиживали рядом на завалинке, пока старый мордвин плел корзины из лозы, и слушали охотничьи истории. В своей фантазии Гера всегда становился их главным героем, только делал он все сразу правильно и вел себя более отважно, и было это не в поволжских степях, а на озере Онтарио, и звали его не Герман Синицын,

а Натаниэль Бампо по прозвищу Длинный Карабин...

– Так что же, выходит, медведя-людоеда не существует? Или он призрак? – сказал Антоша, серьезно и вопросительно посмотрев на Лёху.

– Эт чего вдрут? – удивился тот. – А девчонок, получается, кто загрыз? Призрак? Или черт рогатый? Нет. Это зверь. Только хитрый, увертливый и сметливый. Не глупей иного человека. Они его возле пасеки ждут, всю округу обложили, да только мед ему больше не по вкусу. Медведь, если раз человечины отведал, уже никогда ее вкуса не забудет. Потому и нападает, хочет полакомиться любимой закуской. А от этих псов, дуделок и свистелок он за три версты держится, облавой его не взять, только в логове. А как логово разыскать, способ есть, да только они его не знают.

– Что за способ? – подпрыгнул Гера, по случайности едва не порезав себе палец перочинным ножиком.

– Простой.

Старый охотник хотел было закончить на этом, но, увидев пылающие глаза братьев, понял, что те так просто от него уже не отстанут.

– Ладно-ладно. Ничего мудреного. Нужно просто хорошо леса знать и за метками медвежьими смотреть. У каждого зверя своя территория, которую он от других сородичей охраняет. Метки расставляет: кусты ломает, когтями задиры на деревьях делает – все по кругу. А в его центре берлога и есть. Тут-то медведя бить и нужно, на рассвете, пока он

спросонья. Так вот.

Братья переглянулись, явно подумав об одном и том же. Охотник, закончив историю, снова принялся за работу, загибая непокорные прутья узловатыми коричневыми пальцами, и, казалось, целиком погрузился в воспоминания.

– Алёха, а ты что, может быть, такие метки видал недавно? – вкрадчиво спросил Гера, поглядывая на Антошу краем глаза.

– А как же, – не отрываясь от работы, утвердительно качнул головой охотник. – Давеча лозу на зиму собирал за дальней сопкой, там за болотом. На рассвете, по холодку. Так там метки и видал, вокруг бора. По высоте, на которой задиры сделаны, понял – здоровенный стервец.

– Так... – решительно произнес Гера, убирая ножичек в карман. И хотя что, собственно, «так», было не вполне понятно, Алёха Ляткин сразу смекнул, что сболтнул лишнего, и, отбросив корзину, нахмурился:

– Нечего такать! И вообще, дуйте домой, уроки учить! Не то доктору, отцу вашему скажу – он вам уши надерет!

Гимназисты, изображая досаду, поплелись по пыльной улице в сторону дома, но уже через пару метров Гера не выдержал, толкнул брата локтем под тощие ребра и принялся воодушевленно шептать ему на ухо детали мгновенно созревшего плана. Антоша некоторое время возражал и рассудительно спорил, но потом махнул рукой и сдался под Гериным напором. Здесь, как и в любом другом озорстве, за-

думанном и исполненном ими, младший брат олицетворял энергию и порыв, а старший – презренное рассудочное начало, которое неизбежно проигрывало в этом противостоянии...

Вот и теперь Гера, увидев логово врага, хотел немедленно бежать вниз по крутому склону сопки и атаковать, так он и сделал, а Антон остался стоять на вершине, вытянув руки в умоляющем жесте, но вскоре опустил их и угрюмо поплелся следом. Впереди него среди сохлого желтоватого ковыля мелькала серая гимнастёрка и наконец скрылась под темным еловым сводом. Антоша издал стон и поспешил скорее за братом.

Нагнать его удалось только в глубине бора, Гера, нетерпеливо приплясывая, ждал его на поляне.

– Ну? Антоха! Чего ты ползешь? – громко, но почему-то шепотом прошипел он. – Давай ружье скорее! Может, медведь уже рядом!

– Не дам! – ответил тот, на всякий случай тоже шепотом и крепче схватился за ремень. – Я маменьке обещал, что с тобой ничего не случится! Ты... ты ведь и стрелять-то даже не умеешь!

– Ах ты... – Гера на секунду остолбенел, пораженный предательством, но быстро пришел в себя, засопел от ярости и кинулся на брата с кулаками.

Они перелетели через согнутую сухую елку, покатались

по палой хвое, разметали муравейник и сцепились, вырывая друг у друга ружье, когда из глубины бора слышались треск сучьев и глухое низкое рычание.

Мальчики немедленно застыли, глядя друг на друга расширившимися глазами. Гера первым пришел в себя, выхватил у брата ружье и с победоносным кличем скрылся среди елок. Антоша поднялся, отряхивая иголки, и, несмотря на мешающую хромоту, устремился за ним следом.

– Герка! Стой! Я все папеньке расскажу!

Но кричать уже не было нужды. Гера стоял на поляне столбом, опустив руки, ружье бесполезно валялось рядом. Перед ним, на середине поляны, среди изломанных веток лежало что-то странное, коричневое и красное, в обрывках ситцевого платья. Перед глазами у Антоши мелькнуло воспоминание о витрине мясной лавки, мимо которой каждое утро они с братом ходили в гимназию, и он согнулся пополам, обдавая рвотой кусты засохшей черники.

Гера наконец ожил, снял фуражку и перекрестился. Затем надел ее, зачем-то снова снял и снова надел. Потом, заметив что-то в кровавой груде, подошел поближе и наклонился, с болезненным интересом разглядывая острый кусок металлического шипа, торчащий из тела. Странно. Он, осторожно переступая, обошел вокруг, изучая муравьев, барахтающихся в запекшейся крови, мятую траву, следы на сероватом песке...

– Антоша... – тихо позвал он брата.

– Что? – ответил тот чужим хриплым голосом, стараясь не смотреть на страшную находку.

– А следы-то человеческие...

Глава 1

Здание Министерства внутренних дел блистало и сияло изморозью в лучах яркого зимнего солнца. Все вокруг было белоснежным и праздничным от свежесвыпавшего снега, Фонтанка уже стала крест-накрест исчерченной тропинками, и везде царило оживление, ощущение бодрости и приближающегося праздника. В кабинете министра тоже было непривычнолюдно и шумно – начальник сыска привел с собой на доклад не только двух своих помощников, но и всю команду Муромцева в полном составе. Собравшиеся долго представлялись и здоровались, рассаживались за массивным лакированным столом, бесконечно передвигая стулья, и, наконец, разместились. С одной стороны Будылин с Щекиным и Ларсеном по правую и левую руку, с другой – сотрудники нового отдела по борьбе с маньяками: Муромцев, отец Глеб и Барабанов, с длинными, слегка подстриженными, а также причесанными по торжественному случаю волосами. Во главе стола, сверкая орденами, председательствовал градоначальник, который в отсутствие министра, как его товарищ, полностью и с большим успехом исполнял все его обязанности.

Дождавшись, пока утихнут все шорохи и вздохи, градоначальник еще раз окинул взглядом всю компанию и негромко начал:

– Первым делом позвольте поздравить вас, Иван Дмитриевич, с хорошо проделанной работой. Услужили, крепко услужили. Господин министр и даже сам Государь с теплотой отзывались и благодарили за избавление от душегуба. Думаю, что дело с финансированием нового сыскного отдела можно считать решенным.

Будылин, являя собой самую благодарность, встал, поклонился и, прижав руку к сердцу, высказал самые пламенные заверения в верности Империи и Государю лично. Но когда сажился на место, утирая платком патриотическую слезу, то не удержался и заговорщицки подмигнул Муромцеву.

– Позвольте, Роман Мирославович. – Ларсен иронично скривился, поправляя пенсне. – Не слишком ли много реверансов садистам и маньякам?

– Уважаемый коллега, – Муромцев невозмутимо посмотрел ему в глаза через стол. – Если бы вы дали себе труд внимательнее ознакомиться с моим рапортом, вы бы знали, что помимо обычных сыскных мероприятий в этом деле я применил новую систему расследования. Она заключается в консультациях с помешанными преступниками. Они нужны, чтобы унифицировать их специфические признаки и классифицировать убийц подобного рода.

Щекин внезапно закашлялся, покраснел и, качая головой, возмущенно забормotal себе под нос:

– Консультации с маньяками? Вот уж действительно бред сумасшедшего! Вы извините, но это форменное безобразие!

Опытный сотрудник не может позволить себе подобного! Я... – Старый чиновник неожиданно поймал недовольный взгляд градоначальника и немедленно вернул на лицо благодушное выражение. – Я, право слово, о таком даже не слышал никогда...

– Разумеется, бред сумасшедшего, – с улыбкой согласился Муромцев. – Ведь именно с сумасшедшими мы и имеем дело. Их изучение уже чрезвычайно помогло нам. Для успешного следствия необходимо знать, к примеру, имеем мы дело с убийцей, действия которого непоследовательны или же упорядочены. Также весьма полезно выяснить факторы, которые могли привести к расстройству психики. Впрочем, ежели вы считаете, что для нас лучше упустить преступника, чем прибегать к таким...

– Ну, зачем же вы так? – усмехнулся Ларсен. – Вы ведь знаете, что я совершенно не против, когда следствие использует научные методы, пусть даже такие... хм... оригинальные. Но с чем я не могу смириться, так это с тем, что вы обращались к услугам сектантов и спиритистов для получения некой мистической, видимо, информации. Извините, но когда в следствии участвует дамочка-медиум, это не просто смешно, это позорит честь мундира! Неужели вы действительно прибегали к подобному? Я не могу в это поверить!

Ларсен взял со стола газету и продемонстрировал всем присутствующим нелепую фотографию спиритического сеанса. Щекин снова покраснел и заухал как филин, сотряса-

ась от смеха:

– К чрево... Хох-хах!.. К чревовещателям вам еще нужно обратиться обязательно! Хе-хе...

Будылин насупился и метнул на своего помощника испепеляющий взгляд, но Щекин, казалось, даже не заметил этого. Более того, с другой стороны уже раздавался лающий смех Ларсена, который снял пенсне и тер глаза платком. Даже градоначальник, как ни старался сдержаться, все же пару раз хмыкнул и прикрыл усы кулаком, сделав вид, что закашлялся. Барабанов, пребывая в полном смятении от происходящего, отчаянно заерзал, вращая остриженной головой, и так неприятно скрипнул ножкой стула, что хохот прервался и наступила вынужденная тишина.

– Безусловно, эти сведения были получены у крайне ненадежных, я бы даже сказал психически неуравновешенных информаторов, – воспользовавшись тишиной, поспешил ответить Муромцев. – Конечно же, такие материалы не были использованы в деле и, хочу вас всех успокоить, не будут фигурировать в суде. Для нас это стало просто очередной возможностью поближе познакомиться с сознанием психопата. И я хочу заметить, несмотря на вашу иронию, что это не была пустая трата времени.

– Ну что же, Виктор Вильгельмович, – после паузы бодрым тоном вступил в разговор Будылин, – можем мы сказать, что все точки расставлены, и поздравить новый отдел с удачным раскрытием их первого дела?

– Да-да, безусловно, поздравляю еще раз! Думаю, у вас уже есть возможность показать себя в новом статусе. – Градоначальник открыл папку с гербом и приблизил к глазам бланк телеграммы. – Министр пишет, что в лесах Д-ской губернии недавно произошел необычный случай, и, видимо, не единожды. Похоже, мы снова имеем дело с жестоким убийцей. Если, конечно, не окажется, что это шалит бешеный зверь. Местное полицейское управление запрашивает помощь из столицы, так что собирайтесь. Я со своей стороны обеспечу довольствие и всяческую поддержку отделу... Как, кстати, вы изволите именоваться? Ваше подразделение?

Все посмотрели на Муромцева, который лишь оглядывался в поисках поддержки, пока не прозвучал голос отца Глеба, все это время молчавшего:

– Нам Спаситель завещал быть ловцами душ человеческих. Только души, которые мы ловим, черны от адской копоти нашего греховного века. Стало быть, мы «Ловцы черных душ».

– Ох, ну будет вам поэтики! – поморщился градоначальник. – Я же не могу это в отчете написать, в конце концов! Ладно... Пока что запишем «консультанты по раскрытию особых преступлений», а там посмотрим.

Уже на шумной набережной Фонтанки Муромцев, отец Глеб и румяный, ежесекундно поскальзывавшийся Барабанов всюду обсуждали план будущей поездки, и начальнику сыска пришлось похлопать своего подчиненного по плечу,

чтобы привлечь его внимание.

– Роман Мирославович! Позвольте пожелать вам удачи! – Будылин, сняв перчатку, пожал руку Муромцеву, надолго заглянув тому в глаза. – Признаться, я какое-то время сомневался в вас, за что приношу извинения.

– Ну что вы, пустое, – в ответ склонил голову сыщик.

Глава 2

Грязно-зеленая змея поезда, окутанная клубами пара и черного угольного дыма, медленно подтягивала себя к перрону провинциального вокзала. Вдоль вагонов, словно тропические рыбки, заметалась пестрая толпа встречающих с цветами, носильщиков и просто местных зевак, считавших за развлечение поглазеть на проезжающую столичную публику.

Проводники в черных мундирах и фуражках открыли двери и опустили подножки, по которым на перрон тут же ринулся людской поток утомленных поездкой пассажиров. Больше всех суетился худощавый молодой человек с длинными волосами под серой фуражкой. Он, подняв над собой черный саквояж, пробрался к одному из окон вагона и стал в него стучать. Оно открылось, и в проем высунулась голова священника в примятой скуфье.

– Отец Глеб, – закричал молодой человек, – давайте вещи сюда! Так быстрее будет! Где Роман Мирославович?!

– Да здесь он, здесь, не кричи! Господи, спаси и сохрани, – запричитал отец Глеб и скрылся в купе.

Вскоре в окне появились еще один саквояж, чемодан и деревянный ящик черного цвета с надписью «Осторожно, ядь!».

– И дались тебе эти химикалии, Нестор? – ворчал отец

Глеб, подавая в окно ящик. — Как будто здесь не найдем.

— Может, найдем, а может, и нет! Лучше запас иметь! — с улыбкой ответил Барабанов.

Когда они уложили все вещи на тележку носильщика, а Муромцев закурил папиросу, к ним подошли двое полицейских. Они представились Роману Мирославовичу и доложили, что их уже ждут. Погрузившись с вещами в экипаж, запряженный тройкой гнедых лошадей, команда сыщиков отправилась за город по широкому тракту. Роман продолжал задумчиво курить, по обыкновению, потирая лоб — голова снова болела после бессонной ночи. Нестор с любопытством глядел по сторонам — местная природа почему-то приводила его в восторг: дорога бежала сначала вдоль негустого подлеска, затем пересекала небольшую речушку по деревянному мосту и вливалась в степь, ровную, как стол. То и дело с обочины дороги вспархивали потревоженные перепела и куропатки.

— Эх, ружье бы сейчас сюда! — сокрушенно вздыхал Барабанов.

Отец Глеб, не обращая внимания на восторги Нестора местной фауной, читал книгу «Природа Д-ского края. Записки об изыскании местных природных ресурсов» за авторством г-на Бекбулатова и перебирал левой рукой черные четки. Вскоре справа от дороги, на краю небольшого леса, показались люди и несколько экипажей, а также обычные телеги. Собравшиеся возбужденно махали руками и суетливо снова-

ли вокруг полицейской повозки, на подножке которой стоял офицер с черными, как смола, усами и властным голосом что-то говорил. Увидев приближающийся экипаж, он легко спрыгнул на землю и, широко шагая, направился к столичным гостям.

Усач-полицейский, кивнув, представился:

– Баширов, городской полицмейстер. А вы, стало быть, и есть сыщики по странным делам?

– Муромцев, – Роман протянул руку, проигнорировав вопрос. – Расскажите, что произошло, господин Баширов?

– Сразу к делу? Хорошо, идемте, расскажу по дороге. Здесь неподалеку деревня есть, из нее народ собрался. Тот господин, что в экипаже сидит с двумя ребятами, – помещик местный с сыновьями. Это они, дети, тело нашли. Жертва – девочка лет тринадцати-четырнадцати от роду, откуда она взялась, пока неизвестно. Тут осторожно, овраг.

За оврагом, в негустом лесочке на примятой траве лежал труп, накрытый рогожей. Вокруг него по периметру была натянута веревка, чему Роман весьма удивился. Баширов поймал его взгляд и заметил:

– Мы тут свое дело знаем, господин Муромцев! Я хоть и из татар вышел, но криминалистику изучал. Место преступления в целости, только мальчишки наследили, конечно. Они все правильно сделали – один с винтовкой охранять остался, другой, как в себя пришел, в деревню побежал за помощью.

Муромцев кивнул Нестору, и тот снял с трупа рогожу. Тело было сплошь изуродовано, на груди, руках и ногах зияли открытые рваные раны. Отец Глеб вздрогнул и перекрестился.

– Господи Иисусе, страсть какая! Что за зверь такое сделал? – прошептал он.

– Мы тоже сначала думали на медведей бешеных, – отозвался полицмейстер. – Ведь это уже третья жертва такая! Губернатор даже награду объявил за поимку или убийство зверя. И заместитель мой, Рафиков, такого же мнения. Сами понимаете, дело может вызвать скандал и... кхе-кхе... кадровые выводы... у нас и так губерния не самая благополучная по причине неурожаев...

– Это не медведь, – сказал Барабанов, склонившись над телом с лупой, – смотрите, в ребре что-то застряло. Похоже на металлический зуб какого-то орудия. Будто бы от граблей. Надо отправить тело в морг, там я смогу более детально его осмотреть. А сейчас пока сниму гипсовые слепки следов.

– Каких следов? – спросил отец Глеб.

– Вы не видите? Вот тут, – Нестор показал пальцем на примятую траву. – И тут еще. Здесь поменьше, это следы одного из мальчишек.

– А почему ты так решил? Может, жертвы?

– Не может быть этого.

– Но почему?

– Она босая, отец Глеб, посмотрите. И ноги грязные. Она

пришла сюда босиком, либо ее привели.

Барабанов, удовлетворенный демонстрацией своих дедуктивных способностей, открыл свой чемоданчик и принялся разводить гипсовый порошок в резиновой чашке. Вскоре Муромцев держал в руках вполне четкий отпечаток следа.

– Значит, убийца был в сапогах, подбитых гвоздями. Самые обычные сапоги, рисунок простой, – размышлял вслух Роман, вновь потирая лоб, – нога тоже обычная, размер средний. М-да, негусто. Хорошо, Барабанов, ты забирай тело и езжай в морг, составь отчет и вечером мне доложишь.

– Слушаюсь, Роман Мирославович. У меня тут еще одно предложение есть...

– Что еще?

– Может, нам стоит тут Лилию задействовать? Вдруг поможет?

– Нет, слишком мало данных пока. Нам тут и без нее есть кого спасать. Ты тут видишь что-то сверхъестественное, Нестор?

– Ну, не особо, конечно, – понуро согласился Барабанов.

– Ну, вот и езжай в морг, телегу возьми для тела. А вы, отец Глеб, посетите батюшку местного, побеседуйте, может, он чего скажет полезного.

– Хорошо, Роман Мирославович, – отозвался священник и заспешил прочь от страшного места.

Роман повернулся к полицмейстеру:

– Ну, а мы с вами, господин Баширов, поработаем с мест-

ными жителями, опросим возможных свидетелей. Возьмите всех ваших свободных полицейских, и пусть идут по домам. Пусть спрашивают, не пропадала ли девочка у кого, не приезжали ли к кому гости в последнее время, не приходили ли чужие люди в деревню. Может, слышали что-то странное или видели. Всех допросить до единого, и отчеты мне на стол завтра утром!

– Понятно, господин Муромцев, будет сделано! – ответил Баширов. – Идемте в деревню?

– Да, идем.

Глава 3

Отец Глеб легко нашел местный храм – единственное в деревне каменное строение с тремя куполами, покрытыми облупившейся зеленой краской. На подворье он быстро нашел местного настоятеля – отца Павла. Это был молодой человек лет двадцати пяти, с жидкой рыжей бородкой, с умными и живыми глазами на худом лице. Отец Глеб представился, и молодой батюшка сразу засуетился, было видно, что он не часто встречает столичных гостей.

Они расположились в келье настоятеля. Отец Павел сам затопил самовар и, сев на длинную лавку у стены, поинтересовался, что привело к нему отца Глеба. Тот сразу перешел к делу.

– Отец Павел, – начал он, – тут неподалеку, в леске сейчас нашли труп девочки. Ее зверски убили.

– Ох, ты, Господи Боже мой, – молодой священник перекрестился на икону в углу.

– Так вот, – продолжал отец Глеб, – я здесь нахожусь для расследования сего преступления.

– Вы что же, отец Глеб, – сыщик? – удивленно спросил отец Павел.

– В некотором роде. Я по своей линии расследование провожу, по духовной, так сказать. Вы ведь паству свою хорошо знаете? Большой приход у вас?

– Пара деревень по соседству, старая барская усадьба – вот и весь мой приход! Смех один, а не приход! Но я не ропщу, – спохватился отец Павел. – А насчет паствы – я человек тут новый, опыта мало, меня ведь этой весной сюда прислали вместо прежнего священника, что прошлой осенью почил. Но, насколько мне известно, про пропажу ребенка не говорил никто. Да ведь если только сегодня это случилось, то проясниться может лишь через пару дней – дети тут самостоятельные. Они и в лес сами гуртом ходят за дровами да за грибами. Или в соседнюю деревню на посиделки-девичники. Еще некоторые в город наведываются на заработки, ежели семья совсем худая, – в таком случае не скоро могут хватиться.

– И что же, много тут семей таких? – спросил отец Глеб. Отец Павел тяжело вздохнул и поставил на стол самовар.

– Да считайте, что все! Уезд наш нищий, на отшибе. Да и волость тоже не из зажиточных, к тому же неурожай был нынче, люд на подножном корме – одним лесом спасаются! А ведь голодное брюхо к учению глухо, да и к молитве тоже – в храм и школу при нем не идут, все к бабкам бегут, сказки слушать или на пляски. Да вы чаю наливайте, отец Глеб!

– Покорно благодарю, отец Павел, в другой раз – нельзя мне время терять! Я зайду еще к вам, поговорим.

Отец Глеб попрощался и быстро вышел на улицу – он вспомнил, что когда проходил мимо храма, то видел нищую старуху за оградой. И действительно, неподалеку от храма,

у забора сидела слепая нищенка с мальчиком-поводырем. Он был бос, грязен, волосы его шевелились от вшей. В руках держал запачканный колпак, в котором лежали медяки. Рядом сидели несколько женщин и слушали быль-небылицу из уст слепой. Судя по всему, отец Глеб подошел к концу страшной истории. Нищенка, глядя перед собой мутными белесыми глазами, вещала хриплым голосом:

– ...И тут колдун-овертыш, беролак то бишь, отлучаться стал. А у него невестка была. Она-то и увидала, как однажды свекор ее пошел в лес. Решила она проследить за ним. Глядь, а он возьми и перекинься через ствол березы, что к земле гнулся, и превратился в медведя!

Женщины хором вскрикнули и принялись креститься.

– Зима-то тогда голодная да холодная выдалась, – продолжала слепая, – потому он решил в медвежьем обличье зиму перезимовать в берлоге! Как он ушел, невестка тоже захотела медведицей обернуться – перекинулась через березу, да задела ногой за ствол, и нога так и осталась человеческой! Вот так ее ошибка оборотней погубила: больше не могли они назад в людей обращаться, охотники про то прознали и всех их в берлוגах поубивали. А теперь вот и у нас тут где-то такой колдун-беролак шлондает, уж третью девку запорол!

Одна из бабенок дрожащим голосом возразила:

– Так ведь, матушка, то ж обычный волк или медведь был!

– Дура! – вдруг крикнула старуха, повернув слепое лицо в сторону говорившей. – Обычный медведь-то девок не на-

сильничает!

Глава 4

Всю обратную дорогу в город отец Глеб размышлял над страшной байкой слепой старухи, особенно его тревожили ее последние слова. Отпустив извозчика, он решил пройтись до анатомички, где над телом несчастной должен был работать Барабанов. Преодолев грязный, замусоренный пустырь, отец Глеб нашел нужное здание: старый деревянный домик с замазанными белой известью окнами. Рядом с дверью на стене был прибит белый щит с красным крестом, краска на нем выгорела и местами облупилась.

У входа на завалинке сидели двое: Нестор и незнакомый мужчина лет тридцати, как две капли воды похожий на Барабанова. Они выглядели весьма довольными: пили чай из жестяных кружек, курили самокрутки и о чем-то живо беседовали. Подойдя к ним ближе, отец Глеб почувствовал невыносимый смрад, исходявший от их кожаных фартуков, которые они не удосужились снять. Пытаясь хоть как-то перебить зловоние, отец Глеб вытащил маленькую трубку и тоже закурил. Затем сразу перешел к расспросам:

– Что, Нестор, чем можешь похвастать? Есть подробности?

Нестор затушил самокрутку о каблук, сунул ее за ухо и с важным видом ответил:

– Во-первых, здравствуйте, отец Глеб! Во-вторых, поз-

вольте вам представить, – сказал он, кивнув в сторону своего товарища, – это Евгений, местный прозектор, очень компетентный специалист в своем деле!

– Во-первых, виделись мы с тобой, Нестор, – с усмешкой ответил отец Глеб, – во-вторых, очень приятно, Евгений, я отец Глеб.

Он, пересилив себя, пожал руку молодому прозектору и пытливо посмотрел на Нестора. Тот смутился и начал доклад:

– Значит, так: сейчас мы провели аутопсию тела той неопознанной девочки. Рубленые раны нанесены скорее всего не лапой зверя, а столярным инструментом.

– Теслом зубчатым – знаете, такое вроде бороны или плотницкой тяпки, – уточнил Евгений.

– Да, скорее всего, – согласился Нестор. – Вы представляете, отец Глеб, снова у нас плотник-злодей! Но на этот раз уж точно! Удар поставленный, он ее как дерево рубил с разных сторон да под одним углом! В клочки просто, простите за подробности. Кроме того, из соседнего уезда... как там его?

– Калигазинский, – подсказал Евгений.

– Да, так вот, оттуда, значит, прислали останки другой девочки. Ее похоронить не успели, долго в морге лежала – сирота она была, деревня нищая, забирать было некому. И к тому же профессор из губернского университета просил не хоронить, он хотел на тело взглянуть, мол, что это за медведь такой огромный девочку так изуродовал. Но он до нее не до-

брался, потому ее сюда и привезли.

Нестор вытащил окурок из-за уха и снова прикурил от папиросы Евгения. Выпустив облако дыма, он продолжил:

– Значит, проведенный анализ тела другой неопознанной девочки показал, что она никак не может быть жертвой нападения медведя или вообще какого-либо хищника, это тот же самый убийца с тем же оружием! Железный зуб, что мы нашли в третьем ребре последней жертвы, мы определили как кованый зубец от орудия преступления, то есть от одного из вышеуказанных инструментов. Наверно, после дополнительных анализов сможем описать тесло или что это еще более точно.

Отец Глеб выбил пепел из своей трубки о деревянную колоду, стоявшую у входа, и спросил:

– Вот вы, молодые люди, все время упоминаете слово «девочка». Полагаю в физиологическом плане. А на каком основании?

Евгений покраснел, сложил руки на груди и резко ответил:

– Возраста, разумеется! Примерный возраст жертв одиннадцать-двенадцать лет, губерния у нас целомудренная, по старинным укладам живет, так что, хе-хе...

– То есть вы не проверили, было ли надругательство? – оборвал его отец Глеб.

Евгений фыркнул и ничего не ответил. На помощь ему пришел Нестор.

– Там ведь, – серьезно сказал он, – все внутренние органы так искромсаны, что не было исследования девственной плевы. Разумеется, я пытался провести анализ, но...

– Ну, так попробуйте еще раз, уважаемый коллега, – с улыбкой сказал отец Глеб, который уже понял, что никакого анализа в этом направлении Барабанов не проводил.

Нестор бросил окурочку на землю и побежал назад в анатомичку, ноги его отчего-то заплелись, и он сильно споткнулся о порог. Отец Глеб снова улыбнулся и встал у двери. Местный анатом, немного потоптавшись у входа, зашел внутрь.

Запах усилился стократно, и отец Глеб непроизвольно прикрыл нос рукой. Из прозекторской послышался недовольный голос Барабанова:

– Женя, ты меня под монастырь хочешь подвести?! Если тебе доверил осмотр до конца провести, это не значит, что ты должен на него наплевать!

– Нестор, – жалобно ответил Евгений, заходя в прозекторскую, – ну, в самом деле, какое изнасилование? Не бывало у нас такого никогда!

Барабанов оторвался от работы и вытолкнул Евгения прочь. Тот сконфуженно почесал затылок и предложил отцу Глебу подкрепиться:

– Отец Глеб, может, перекусим, чем бог послал?

– Покорнейше благодарю, Евгений. Я хоть и привык к различным едким запахам в своей лечебнице, которую окормляю в столице, однако в анатомичке вкушать пищу считаю

все же кощунством.

– Так я вам на улицу вынесу! У меня там и стол с лавкой есть под липкой! Я мигом!

Отец Глеб вышел во двор и вдохнул свежий воздух полной грудью. Справа от анатомички и правда росла старая липа, под которой стоял деревянный стол, накрытый рогожей. Вскоре появился Евгений, в руках он нес лоток, в нем была большая бутылка с желтоватым напитком, плошка с янтарным медом, полковриги ржаного хлеба и крупно нарезанный домашний сыр. Отец Глеб покосился на стальной лоток и про себя понадеялся, что в морге его не использовали. Евгений поймал его взгляд и усмехнулся:

– Не переживайте, санитарные правила мы соблюдаем строго! А вот это непременно попробуйте, наша местная медовуха! Душистая, легкая!

С этими словами он налил из бутылки густую медовуху и протянул кружку отцу Глебу. Тот взял ее, поблагодарил, перекрестился и немного отпил. Напиток и впрямь был душистым, а еще терпким на вкус. Отец Глеб поставил кружку и принялся за еду. «То ли я так сильно проголодался, то ли ничего вкуснее этого сыра с хлебом я в жизни не ел», – пронеслось у него в голове. Медовуха хоть и пилась легко, но быстро ударила в голову, и отец Глеб откинулся на спинку лавки, отряхивая крошки с пыльной рясы. Мысли все вдруг исчезли, и захотелось спать. А Евгений, макая хлеб в мед, убаюкивающе говорил:

– Отец Глеб, поверьте, район у нас спокойный, а народ смирный! Отродясь такого не бывало. Хотя случалось, что хищники людей драли в голодный год...

Дверь анатомички громко хлопнула, и отец Глеб пришел в себя. Вышедший Барабанов злился.

– Обе девочки были изнасилованы, – сказал он и с укоризной посмотрел на Евгения, – все на это указывает. Кроме того, разрывы и порезы девственной плевы, а также ссадины и кровоподтеки внутри влагалища позволяют предположить, что преступник, помимо прочего, использовал нож или что-то типа него. Да, и еще – есть разрывы и разрезы прямой кишки, что также говорит о...

Тут они услышали грохот: это Евгений упал в обморок, снеся со стола лоток. Из качающейся бутылки лилась на землю тягучая медовуха, а из полуоткрытого рта патологоанатома липкой медленной струйкой вытекал мед.

Глава 5

В кабинете начальника полиции было накурено до такой степени, что дым клубами выплывал в открытую форточку, словно банный пар, и исчезал в ночном небе. Муромцев сидел в неудобном старом кресле и курил одну папиросу за другой, внимательно слушая доклад заместителя полицмейстера Рамиля Рафикова. Тот, скрипя начищенными до блеска сапогами, ходил по кабинету из стороны в сторону, этим сводя Романа с ума. Барабанов и отец Глеб тихо сидели на кушетке в углу и тоже следили за перемещениями докладчика.

– Бога ради, остановитесь, господин Рафиков! – взмолился Муромцев.

Тот непонимающе уставился на сыщика.

– Вам не нравится мой доклад, Роман Мирославович?

– Нравится, но сядьте куда-нибудь, у меня сейчас голова отвалится! Продолжайте, второй час ночи ведь!

Рафиков уселся на табурет напротив Муромцева и продолжил:

– Так вот, на чем я остановился? Да, на основе сообщений уездных приставов я составил этот сводный рапорт. – Он потряс в воздухе несколькими листами желтой бумаги. – На данный момент установить личность последней жертвы не представляется возможным. Согласно правилам, установ-

ленным для расследований такого рода, мною были даны указания о выявлении случаев, приведших к исчезновению крестьянских детей, а равно и подростков! Также отдан приказ о сведении в один рапорт всех фактов гибели оных от нападения диких животных либо в результате прочих несчастных случаев в лесной местности! Все эти случаи на основании вышеизложенного и в связи с последним...

«Наверное, этот Рамиль весьма опытный делопроизводитель, – думал Муромцев. – Шаркун паркетный... заурядный служака лет пятидесяти, дошедший до своего поста где-то с помощью знакомств, где-то с помощью хитрости, присущей местным».

Вдруг доклад Рафикова потерялся в гулком шуме, и Роман завертел головой в поисках его источника. Острая боль пронзила его макушку, и он понял, что это шумит у него в голове. «Да что такое? Что со мной?!» – перед глазами Муромцева всплыла огненная надпись. Он моргнул несколько раз, и она исчезла, но боль никуда не ушла. Роман бросил папиросу в жестянку из-под монпансье, которая служила пепельницей, и, не дослушав рапорт, вышел в коридор. Нестор и отец Глеб переглянулись, но так и остались сидеть в ожидании начальника.

Спустя пару минут Муромцев вернулся в кабинет – Рафиков со скучающим видом сидел уже не на табурете, а на подоконнике и зевал.

– Так что, мне продолжать? – спросил он Романа. – Или

отложим до утра? На вас лица нет, уважаемый! Да и коллеги ваши спят на ходу!

– Нет, нет, продолжайте! Мне уже лучше, а коллеги привыкшие.

– Как вам угодно, – сказал Рафиков, не поверив ему, ведь Муромцев был бледен, как луна в туманную ночь. – Так вот, был отдан приказ, на основании которого произвели первичный учет всех нападений диких зверей в лесах по всей губернии. За последний месяц таковых случаев было выявлено всего три.

– А почему за месяц? – скрипучим голосом спросил Роман, преодолевая боль. Он буквально чувствовал, как раскаленный шар внутри головы снова бьется о стенки черепа, грозя расколоть его как перезрелую тыкву.

– А за какой период, по-вашему, надо было проверить, милостивый государь?

– Убийца мог действовать продолжительное время, несколько лет, например! И очевидно, что нападал он исключительно на девиц, точнее, на девочек. Из этого можно сделать предварительный вывод, что убийца одержим порочной страстью! Это тоже надо было учесть при сборе материала!

– Милостивый государь! – воскликнул Рафиков и выдавил из себя смешок. – Вполне может быть, что в ваших порочных столицах такая дичь вполне нормальное явление! Но в нашем, как вы изволили выразиться, медвежьем углу сие попросту невозможно!

Муромцев удивленно приподнял брови, пытаясь вспомнить, когда это он назвал их город или губернию медвежьим углom, но так и не вспомнил.

– Да, мы допускаем, – тем временем с жаром продолжал Рафиков, – что девочка торговала своим телом, отчего ей не удалось сохранить гимен в целостности! Гимен – название девственной плевы на латыни.

– Я знаю об этом, – сухо ответил Роман.

– Хорошо, так вот, скорее всего, девочка та была из самых низов общества, распущенных, безграмотных, темных и аморальных! И наверняка употребляла алкоголь, что для подростков в той среде обычное явление, тем более что многие волости поражены нынче повальным пьянством и неурожаем. Вот вам и объяснение разрыва гимена! А вы про какой-то нож говорите, ну право слово! А что касается следов вокруг тела, так их мог оставить охотник, грибник или сборщик хвороста – наткнулся на тело, натоптал вокруг с перепуга и дал деру!

– Милостивый государь! – Муромцев вскочил и подошел вплотную к Рафикову. – То есть вы сейчас подвергаете сомнению результаты исследований наших экспертов?!

– Достопочтенный Роман Мирославович, – тихо, но твердо ответил Рафиков, – такова наша обязанность – все подвергать сомнению! А что касается до ваших так называемых экспертов, то тут грех не сомневаться.

Рафиков взял со стола лежавшую картонную папку на

шнуровке и показал ее Муромцеву, а потом Нестору.

– Вы – господин Барабанов, не так ли? А может быть, товарищ Барабанов, если точнее?

Нестор вздрогнул и замер, глядя на папку немигающими глазами, как кролик на удава.

– Может, кого-то здесь вам удалось одурачить, – продолжил Рафиков, и голос его стал резким и холодным, и даже легкий акцент куда-то пропал, – но меня у вас обмануть не получится. Я знаю про вас достаточно! Вас ведь с позором уволили из петербургского университета за участие в запрещенной организации «Свобода народа»?! Вполне очевидно, что такой опытный химик и биолог, как вы, занимался не только пропагандой, как сообщали наши агенты, а кое-чем поинтересней?

Рафиков бросил папку на стол и подошел к Нестору:

– Чем вы там занимались? Изготавливали бомбы? Или распространяли холеру? А у нас здесь тоже решили панику посеять? Или как это у вас говорится – «создать революционную ситуацию»?! Не выйдет!

Все это время Барабанов смотрел на Рафикова ненавидящим взглядом, его руки, сложенные на груди, напряглись так, словно он представлял, как уже душит этого шпика.

– Молчите? – усмехнулся Рафиков. – Понятно, нечего сказать. А про нашего прозектора Женьку и говорить нечего, его заключения ничего не стоят. Глаза зальет дедовской медовухой и строчит в отчетах, что аллах на душу положит.

Так что все мне понятно и с изнасилованиями, и со штырями этими, которые, кстати, могли и подбросить! Фантазии-с, провокации и пьяный бред.

Рафиков подошел к двери, открыл ее, показывая тем самым, что разговор окончен.

– Вам, уважаемый Роман Мирославович, – добавил он, – простительно после ранения впадать в ажитацию, а про вас, отец Глеб, и говорить нечего, вам такое вообще не понять, поскольку вы лицо духовное, то есть человек наивный и доверчивый. За сим предлагаю дело ваше закрыть и продолжить поиски зверя и охоту на бешеного медведя! Не смею вас более задерживать, господа!

Первым из кабинета быстрым шагом вышел Нестор, за ним отец Глеб. Муромцев, выходя следом, вдруг схватился за голову, вскрикнул и рухнул на грязный затертый паркет. Барабанов бросился к нему, доставая на ходу из кармана пузырек с нюхательной солью, но начальник группы был в глубоком обмороке и в себя никак не приходил. Лицо его стало восковым, и Нестор с тревогой щупал пульс на руке и шее. Отец Глеб стоял рядом и тихо читал молитву.

Глава 6

Дело уже шло к утру, а Муромцев так и не пришел в себя. Пока Нестор и отец Глеб тащили до гостиницы тяжеленные носилки (от вежливо-казенной помощи Рафикова Барабанов отказался наотрез), сыщик несколько раз открывал глаза, обводил все вокруг бешеным, непонимающим взглядом и немедленно проваливался обратно в забытие.

В гостиничном номере стоял запах нашатыря, уксуса и барабановской махорки. Муромцев метался на желтоватых простынях и глухо стонал, иногда раздражаясь потоком невнятных слов. Нестор удерживал компресс на лбу больного, не выпуская из зубов чадающего окурка, и бормотал что-то на латыни.

– Нестор, брось ты это, – устало отозвался отец Глеб из дальнего конца комнаты. – Жар у него сильный и не спадает. Опасно, самим нам, увы, наверное, не справиться...

– Это все потому, что вы кровопускание не дали провести!

– И правильно сделал, – не уступал батюшка, – потому как ты больше привык кадавров разделявать, а к живому человеку, я тебя со скальпелем подпускать, извини, побаиваюсь. В больницу его нужно везти, да побыстрее.

– В больницу?! – возмутился Барабанов, едва не проглотив окурочек. – Да вы в своем ли уме, отец Глеб? Они же только этого от нас и ждут! Наверняка там все уже кишит шпиками!

Этот негодяй... – Он тревожно обернулся на дверь и понизил голос: – Этот негодяй Рафиков уж точно об этом позаботился. Мы не можем отдать Романа Мирославовича прямо к ним в руки, да еще в таком беспомощном состоянии.

В подтверждение его слов сыщик снова громко застонал и, разметав руки в припадке горячечного бреда, едва не снес приготовленные Нестором медицинские склянки. Друзья навалились на него, с трудом удерживая Муромцева на кровати. Спустя минуту, когда он обессиленный вытянулся на простыне, они дружно выдохнули, Барабанов принялся обтирать пот со лба больного, а отец Глеб заменил вымокшую насквозь подушку.

– Я и сам ему тут обеспечу достойный уход. Не хуже любой сестры милосердия, – продолжал настаивать Нестор. – А живые от мертвых не сильно и отличаются, органы все те же. Только вот мне кажется... Вы видели что происходило с Романом Мирославовичем за пару минут до приступа? – Отец Глеб нехотя кивнул, Барабанов продолжал: – Он стал как будто сам не свой от слов этого... бульдога! Мне кажется, что приступ вызвала какая-то психическая реакция... Только вот что это было – ума не приложу. Что вы так помрачнели? Да не буду я кровопускание делать! Полно вам уже!

Муромцев неожиданно вновь забеспокоился, замотал головой, повторяя что-то неразборчиво. Коллеги озабоченно приблизились к больному, прислушиваясь.

– Бекас... Бекасс... – мучительно тянул Муромцев, хму-

ря побледневший лоб.

– Это что же, Роману Мирославовичу охота мерещится? – сказал Барабанов и в недоумении почесал затылок. – Никогда за ним такого увлечения не замечал...

Он вопросительно посмотрел на отца Глеба, пребывающего в глубокой задумчивости. Священник жестом призвал его к молчанию, тяжело вздохнув, подошел к образу, занимавшему почетное место в углу комнаты, после долгой паузы перекрестился и, наконец, обернулся к нетерпеливо ожидавшему Барабанову.

– Мне кажется, я понимаю, в чем дело. Случившееся этой ночью своими корнями уходит в прошлое нашего друга, и, видимо, это прошлое не дает ему покоя и по сей день. Думаю, тебе необходимо узнать, что случилось пять лет назад...

Больной вновь застонал и нахмурился, шевеля губами. Отец Глеб угадал все совершенно верно – Муромцеву виделись картины былых дней. В своем бредовом видении он снова стал молодым, седина еще не поселилась на его висках, а походка не отяжелела. Он был перспективным сотрудником, недавно поступившим в петербургское отделение уголовного сыска. Работа обещала продвижение по службе, дома ждала молодая жена, и это ощущение было новым и приятным. Всего через полгода после сыгранной свадьбы к Муромцеву пришел его первый большой успех – дело Пчелинцева.

Пчелинцев был серийным убийцей и грабителем, жертвами которого становились в основном торговцы антиквариатом, и молодому сыщику пришлось создать целую агентурную сеть в среде перекупщиков и коллекционеров, чтобы вычислить осторожного и изворотливого преступника. Дедукция и сложный анализ в итоге сделали свое дело, и убийцу поймали с поличным, а Муромцев получил долгожданное приглашение на службу в главное управление. Дело Пчелинцева было очень громким, о нем писали в газетах, говорили на улицах и во дворцах. Успех в его расследовании, да еще и достигнутый такими прогрессивными методами, принес молодому сыщику славу, которая пришлась по душе далеко не всем.

Яков Бекацкий, товарищ и помощник начальника сыска, принял нового сотрудника кисло. Ему сразу стало ясно, что этот не в меру энергичный здоровяк с дедуктивными фокусами метит на его место, и даже более того, вполне способен добиться в этом успеха.

Новые коллеги невзлюбили друг друга с первого взгляда. Муромцев считал соперника «кабинетным шаркуном» и «паркетным чинушей», презируя его за рыхлость, интриганство и отсутствие опыта работы на улицах. Бекацкий действительно не мог похвастаться раскрытыми громкими делами или глубоким знанием повадок преступников, зато он прекрасно знал, что вовремя поданное на подпись прошение или почтительно поднесенный нужному человеку отчет

способны привести к новым чинам ничуть не хуже, чем месяцы утомительной слежки и рискованные операции по поимке преступников. Бекасского перевели из министерства несколько лет назад, и после этого он двигался вверх по службе, словно маслом смазанный, и всегда выходило так, что сыщики, голодные и злые от бессонницы, мерзли по подворотням, выслеживая негодяев, а премии, чины и сердечную благодарность начальства получал он, Бекацкий, который ловко подавал чужие успехи как плод собственного «гениального руководства». Сыщики недолюбливали этого аккуратно причесанного, жеманно вежливого человечка, но бросать ему открытый вызов боялись. Тень некой могучей протекции, неизвестно чьей, но не подвергаемой никем сомнению, стояла за скромной фигурой Бекацкого и оберегала его от мести коллег. Он уже прочно уселся в кресле помощника начальника и терпеливо готовился пересест в кресло самого начальника сыска, когда появился этот наглый выскочка Муромцев и смешал ему все карты.

Первым делом молодой сыщик раскусил нехитрые кабинетные фокусы конкурента и начал опережать его на два хода. Теперь, когда Бекацкий, светясь дружелюбием, подносил начальнику доклад, тот в ответ лишь смотрел на него с удивлением:

– Позвольте, но ведь еще вчера вечером Роман Мирославович дал мне исчерпывающий отчет по этому делу! К чему же повторяться?

А однажды Муромцев со свойственной ему прямотой просто выставил Бекасского на смех, поймав на фальсификации опроса свидетелей. Тот с услужливой миной презентовал начальству результаты своей работы (липовые, но имевшие убедительный вид), внутренне ликуя, что наконец-то смог обогнать выскочку, когда Муромцев, словно фокусник, извлек из-за пазухи пухлую папку и бухнул на стол показания более чем тридцати свидетелей, ясно доказывающие, что убийца действовал с сообщником, а вовсе не в одиночку, как утверждал Бекасский в своих измышлениях. Скандал вышел безобразный, о новых назначениях теперь и думать было невозможно, требовалось немедленно загладить случившуюся неловкость, и Бекасский принялся выбирать момент, чтобы свершить возмездие. Случай представился незамедлительно.

Осенью, с началом занятий, вся столица была поражена серией жестоких и наглых убийств студенток. Причем география злодеяний преступника в пределах города оказалась весьма обширной. Одну из первых жертв нашли на Покровском острове, возле Аларчина моста – девушка возвращалась из учебного заведения Паульсона, где изучала физику на воскресных занятиях. После стали находить убитыми воспитанниц Смольного института, студенток Бестужевских высших курсов и вообще любых женщин, учившихся в Петербурге.

Начальника сыска дважды вызывали в министерство, га-

зеты пестрели версиями – одна скандальнее другой. Шла речь о приостановке занятий на высших женских курсах по всему городу, общественность пребывала в бешенстве, а суфражистки грозили бунтом. Муромцева, как главную надежду управления, немедленно назначили руководить расследованием.

Будылин принимал двух лучших сотрудников, Муромцева и Бекасского, в своем кабинете, пребывая в самом мрачном расположении духа, свежая взбучка, полученная от министра, не располагала к любезностям, поэтому он, коротко поздоровавшись, немедленно перешел к тревожащему его вопросу.

– Роман Мирославович, – сказал начальник сыска и хмуро глянул из под седеющих косматых бровей на подобравшегося Муромцева, – вы в последнее время удивляли нас различными, хм... новомодными методами расследования, которые, надо признать, оказались весьма полезными. Надеюсь и в этот раз услышать от вас нечто обнадеживающее. У нас уже пятая жертва, и ни единого намека на след убийцы.

– Да, Иван Дмитриевич, тут с вами не поспоришь, убийца, при всей своей наглости, на редкость изворотлив и осторожен. Нам так и не удалось заполучить ни единой улики или ценного свидетеля. Но изучив жертв и способы совершения преступления, я смог составить психологический портрет маньяка и предположить, какими мотивами он руководствовался.

– Что же, весьма любопытно было бы узнать подробнее, – отозвался Будылин, – прошу вас.

– Ну что же... – начал сыщик и раскрыл том кропотливо собранных за последние дни материалов. – Кое о чем можно сказать с определенностью. Очевидно, что мы имеем дело с ретроградом и женоненавистником, для которого мысль о том, что женщины своими умственными способностями не уступают мужчинам, мучительна настолько, что стала навязчивой идеей, вызвавшей маниакальное состояние. С помощью этих возмутительных нападений он пытается запугать отважных девушек и не дать им получить образование. Идея совершенно безумная...

– Но тем не менее определенных успехов он все же добился, – хмуро подметил Будылин. – А если в ближайшее время мы не остановим убийства, занятия действительно придется прекратить, чтобы не подвергать девушек опасности. Да уж... А вы, Яков Карлович, поддерживаете версию коллеги?

Бекацкий поерзал в кресле и откашлялся. Он уже давно боролся с соблазном встрять в разговор и клюнуть Муромцева, но инстинкт опытного чиновника подсказывал, что нужно вести себя максимально деликатно. Он соорудил благожелательную мину и вкрадчиво начал:

– При всем уважении, не могу согласиться с Романом Мирославовичем. Конечно, все эти крикливые суфражистки с их вызывающим поведением в последнее время многих раздражают и даже откровенно возмущают. Но ведь это все до-

сужие проблемы. Где видано, чтобы из-за таких вещей пу-
скались на подобную жестокость? Я не склонен к столь слож-
ным поворотам мысли.

– И что же тогда? – хмыкнув, поинтересовался Будылин.

– Психопатия на почве несчастной любви, вызвавшая ма-
нию, – сказал Бекасский и покосился на Муромцева, кото-
рый с возмущенным видом шлепнул ладонями по коленям. –
Очевидно, что это студент или иной молодой человек, полу-
чивший душевную травму от курсистки. После испытанно-
го унижения он хочет отомстить и раз за разом выискивает
свою обидчицу среди девушек, возвращающихся с занятий,
и, не найдя, приходит в ярость...

– Мой друг, вы читаете слишком много дешевых детекти-
вов! – не выдержал Муромцев. – От этого у вас и рождают-
ся эти нелепые и примитивные версии! Речь ведь явно идет
об идейном преступнике! Нам очевидно противостоит убеж-
денный и радикальный домостроевец, этакий квасной пат-
риот, помешанный на своей идее и желающий отыгаться на
беззащитных девушках.

– Так вот как, – успел ввернуть Бекасский, – для вас «пат-
риот» – это ругательное слово?

– Отчего же, – не растерялся его оппонент, – вовсе нет.
Я и сам себя называю патриотом. Просто не считаю борьбу
женщин за равноправие чем-то возмутительным и угрожаю-
щим порядку. Более того, моя супруга, Ксения, с этого го-
да посещает высшие курсы Бестужева-Рюмина на Васильев-

ском острове. Изучает философию и исторические науки...

– Ага... Ну тогда все ясно! – совершенно потерял самообладание чиновник. – Вы сами явно подвержены этим новомодным идеям и готовы даже пустить следствие по ложному следу, лишь бы найти им подтверждение! Если убийства продолжатся, кровь будет на ваших руках!

– Прекратите интриговать! Сейчас не время для ваших паркетных игр – гибнут люди! Иван Дмитриевич, я требую, чтобы Якова Карловича немедленно отстранили от этого дела во избежание инсинуаций с его стороны!

Будылин с растущим раздражением наблюдал за своими сотрудниками и, не дожидаясь, пока они вцепятся друг другу в глотки, неожиданно бахнул кулаком по столу.

– Довольно! – крикнул он, и оба спорщика замерли, уставившись на начальника. – Прекратите устраивать балаган из следственной работы! Объявляю вам обоим выговор! Вы не можете находиться в одном помещении и пяти минут, чтобы не переругаться. Это нужно прекратить. – Будылин вытер лоб платком и продолжил уже спокойнее: – Но сейчас для нас важнее всего остановить убийства, поэтому пусть каждый из вас продолжает работу над своей версией. Так и узнаем, кто окажется прав. Приступайте.

Следующие недели прошли для Муромцева в напряженной работе. Все его агенты и помощники были заняты изучением городских газет, научных журналов и юмористических листков в поисках публикаций, критикующих женское обра-

зование. Сам Роман Мирославович круглосуточно занимался допросами и сбором улик. К каждому женскому образовательному учреждению был приставлен наряд жандармов, сыщики сидели в засадах круглосуточно. Но тем не менее за это время неуловимый убийца атаковал еще два раза...

Все уже висело на волоске, когда перед Муромцевым положили на стол газетную заметку, в которой шла речь о приват-доценте Грекове. Этот Греков был настоящим фанатиком, он настаивал на вреде и опасности женского образования и развернул на этой почве настоящую кампанию. Писал патетические статьи, прославлявшие домострой и высмеивающие его критиков, забросал всех вплоть до императора письмами с требованием закрыть все женские курсы в Петербурге, сколотил вокруг себя шайку единомышленников и занялся натуральным терроризмом по отношению к организаторам высших курсов – уважаемым людям и благотворителям.

Чаша терпения переполнилась, когда к руководству университета пришли студенты с жалобой на Грекова, заставлявшего их писать угрожающие письма преподавателям, которые вели занятия на женских курсах, а иначе отказывался принимать у этих студентов экзамен. Горе-доцента с треском уволили, и с тех пор он затаился, не выказывая никакой активности.

Муромцев, ликуя, помчался на Петроградскую сторону, где Греков занимал комнату в доходном доме. Приват-до-

цент оказался высоким жилистым бородачом с огромными крестьянскими кулаками. Он искренне удивился визиту сыщиков и заявил, что да, своего презрения к курсисткам не скрывает, но глупых баб никогда и пальцем не тронул, вот еще – мараться. Однако обнаруженные в комнате анонимные письма с новыми угрозами для преподавателей развеяли сомнения. Определенно Греков и был убийцей.

Преступника немедленно поместили под стражу. Муромцев был уверен, что на первом же серьезном допросе негодяй признается, терзаемый преступным тщеславием. А пока предстояло насладиться торжеством над соперником. Бекаского теперь неминуемо должны были вытурить из управления, а его самого ожидало серьезное продвижение по службе. Муромцев уже подходил к дверям главного управления, когда навстречу ему выскочил Ларсен, бледный и взволнованный. Убийца совершил новое нападение. На этот раз жертвой стала слушательница высших курсов Бестужева-Рюмина, Ксения Муромцева, жена Романа Мирославовича.

Барабанов сидел посреди гостиничного номера, обхватив ладонями косматую голову. Окурок у него во рту давно погас. Он медленно поднял взгляд и с надеждой посмотрел на замолкшего отца Глеба.

– Но ведь она выжила, да?

– С большим трудом и большой божьей помощью. Серьезная черепно-мозговая травма, – покачал головой священ-

ник. – Но Романа Мирославовича отстранили от этого дела. Он был... был не готов продолжать.

Муромцев, словно в ответ, шумно задышал и заворочался на неудобной постели.

Глава 7

После очередного забытья нюхательная соль подействовала, Муромцев скривился и замотал головой, глухо застонав. Отец Глеб помог ему встать. Сыщик отстранил его слабой рукой и прислонился к стене, тяжело дыша. Такого долгого приступа он не мог припомнить – в голове стоял шум, а каждое движение глаз, перед которыми летали черные точки, отдавалось болью где-то глубоко в черепе.

– Вам бы отдохнуть, Роман Мирославович, – участливо сказал отец Глеб.

– Ничего, ничего, – ответил сиплым голосом Роман, – сейчас пройдет. Вы извините меня, бога ради, господа. Воспоминания нахлынули, знаете ли. Такие чудеса сознание выкидывает...

– Это я должен извиниться! – воскликнул Барабанов. – Мои увлечения молодости чуть не привели... хотя чего там говорить! Привели к позорному провалу нашей миссии. Нам теперь только и остается, что признать поражение и удалиться назад в столицу.

Нестор выглядел испуганным – недавний экскурс в его революционное прошлое явно выбил его из колеи. Осведомленность Рафикова была настолько обескураживающей, что Нестор был готов идти в столицу пешком – лишь бы быстрее исчезнуть из поля зрения заместителя полицмейстера.

Отец Глеб, присев на кресло у стены, согласно закивал:

– Да, господа, мы можем справиться с черными душами убийц. Но нам не под силу одолеть их предводителя – Сатану, на службе у которого все это проклятое начальство состоит!

– Отец Глеб, тише, умоляю, вас ведь могут подслушать! – тихо заговорил Нестор, косясь на дверь номера, за которой кто-то прошел.

– Да ну их, – отмахнулся священник. – Так вот, друзья, – как знать, сколько таких преступлений скрыто, а может быть, и совершенно из-за их попустительства, этого поганого чиновничества: лишь бы не прогневить, лишь бы скрыть?

– Как-как? Вы сказали совершенно? – Муромцев принялся ходить от стены к стене, потирая лоб.

– Именно так, Роман Мирославович, – ответил отец Глеб, – вполне возможно, что убийца, не пойманный из-за этих «премудрых пискарей», продолжает собирать свою кровавую жатву!

Муромцев потер лоб. Боль медленно отступала, и он, закрыв глаза, попытался сосредоточиться на словах отца Глеба. «Значит, так, – стал размышлять Роман. – Первое: в губернии действует убийца. Второе: действует, скорее всего, давно. Третье: власти отказываются это признавать либо самым преступным образом отметают улики и факты, а расследования ведутся в неправильном, заведомо ложном направлении. Господи, и как тут поступить?»

– Нестор, – сказал Роман, – что думаешь?

Барабанов вздрогнул и, сбросив оцепенение, принялся рассуждать:

– Ну, хорошо. Пускай мы ошиблись с разрывом девственной плевы, хотя я не ошибся, конечно, пускай характер нанесенных ран и в самом деле можно трактовать как атаку бешеного зверя, хоть это не так, конечно. Ну, а шип?! Шип от зубчатого тесла или тяпки – металлический, который в кости застрял. Как объяснить? Как связать с нападением зверя? Что это? Коготь механического медведя-автоматона? Мы же не в книгах Жюль Верна, в самом деле!

– Послушай, – прервал его Роман, – а этот коготь, то бишь шип мог попасть в тело жертвы ранее?

Барабанов закатил глаза к потолку и, сложив руки на груди, менторским тоном ответил:

– Чисто теоретически – да, возможно. Вроде была рана от бороны какой-нибудь, от которой зуб обломился, остался в теле и зарос. Но это же бред, Роман Мирославович!

Отец Глеб приложил палец к губам и улыбнулся:

– Тише, Нестор! А насчет шипа мы выясним, только если установим личность погибшей.

– Тогда этот факт никто не сможет проигнорировать, – закончил его мысль Муромцев.

– То есть? Мы не едем домой?

– Нет, Нестор, не едем. Я уверен, что есть и еще жертвы. И скорее всего, будут.

Барабанов и отец Глеб переглянулись. Нестор, мысленно уже сидевший в поезде, увозившем его в столицу от страшного Рафикова, тяжело вздохнул и надел фуражку, натянув козырек на глаза. Муромцев усмехнулся, похлопал его по плечу и пошел по коридору, насвистывая что-то из модной столичной оперетки. Отец Глеб, улыбнувшись, поспешил за начальником. Нестор посмотрел по сторонам, плюнул под дверь кабинета полицмейстера и выбежал вслед за отцом Глебом на улицу. Из будки, стоявшей у входа в здание полиции, раздавался богатырский храп дежурного. Звезды меркли в сереющем небе, на котором грязно-розовой ватой разметались облака, обещавшие скорый дождь. Троица поежилась под прохладным ветром и скрылась в утреннем тумане.

Гостиница, где остановилась команда Муромцева, была одной из немногих в городе, в которой был собственный ресторан, или, как его называли постояльцы, – обеденная зала. Персонал готовился принять немногочисленных посетителей к завтраку – половые быстро и ловко раскладывали приборы на застиранные белые скатерти, старуха из местных, шамкающая беззубым ртом, возила шваброй по крашенному зеленой краской полу.

Муромцев, отец Глеб и Нестор остановились у входа в зал и осмотрелись. Дверь в кухню открылась, и из нее вышел толстый и бородатый мужик в грязном колпаке. В руке он держал бумажку.

– Доброго утра, господа, пожалуйста присаживаться! – радушно поздоровался он. – Вот, меню-с, ознакомьтесь!

С этими словами он засунул лист под стекло на стене у двери, неуклюже поклонился и вернулся на кухню.

Отец Глеб нацепил очки на нос и принялся изучать меню.

– Так, на завтрак у них сегодня яичница с грибами, булочки с маком, багет французский с маслом, ветчина, сыр и кофе! Весьма недурно! А на обед готовят борщ по-воронежски с телятиной и грибами!

– Видимо, с грибами у них здесь проблем нет, – ехидно отозвался Барабанов, снимая фуражку. – Где сядем? Я предлагаю вон там, в углу.

И Нестор решительно двинулся через зал. Роман со священником пошли за ним. Когда они заказали три порции яичницы с ветчиной и кофе, Муромцев закурил.

– Друзья, я еще раз прошу простить меня за мою слабость... – начал он, закашлявшись.

– Полноте, Роман Мирославович, – поморщился отец Глеб, – всякое бывает!

– Всякое, да не со всеми, – ответил Роман. – Тут такое дело, в общем, этот небольшой конфликт с Рафиковым вызвал в моей памяти одну болезненную историю...

Официант принес кофейник, и Роман замолчал. Отец Глеб разлил напиток по чашкам.

– Что за история? – спросил Барабанов, отхлебывая горячий кофе, мучительно делая вид, что отец Глеб ему ничего

не рассказал.

– Несчастный случай, – ответил Муромцев, не заметил, как тот покраснел, а священник принял нарочито отстранённый вид, – в результате которого серьезно пострадала моя жена, да и сам я получил ранение. Видимо, это воспоминание и спровоцировало такую странную реакцию мозга, что, в свою очередь, стало причиной припадка. Еще раз приношу свои извинения, господа.

– Ничего страшного, Роман Мирославович, – закивал Нестор, – у всех беды случаются, нам ли не знать.

Нестор, видимо, вспомнил про Лилию Ансельм, так как тут же осекся и густо покраснел. Отец Глеб лишь усмехнулся по-доброму. Вскоре принесли заказ, и все принялись за еду.

Расправившись с яичницей, Муромцев вытер губы салфеткой и деловым тоном сказал:

– Итак, вот что я предлагаю – надо разбить район, где обнаружили тело последней жертвы, на три сектора и провести опросы по деревням и селам о пропаже девочки.

– Но позвольте, Роман Мирославович, – подал голос отец Глеб, – ведь полиция уже провела такие опросы силами старост и старшин. Судя по ним, девочка была бездомной бродяжкой, так как никто не сообщал о пропавшей, равно как и о ее семье.

– И что нам вообще даст установление личности этой несчастной? – спросил Барабанов.

Муромцев посмотрел на Нестора, как родители смотрят

на неразумное дитя.

– Нестор, установление личности потерпевшего – наиглавнейшая задача в сыском деле! Даже если мы не сможем узнать ее имя и фамилию, даже если она и была бродяжкой, мы сумеем выяснить, откуда она шла и куда, как вообще в этом проклятом лесу оказалась, как встретилась с убийцей! Ведь не в пустыне она жила и не с неба свалилась! Всегда найдется кто-то, кто что-то видел, что-то слышал! Вот и найдем этого свидетеля!

– Хорошо, – согласился Барабанов, доливая себе кофе из оловянного кофейника, – а местная полиция? Препятствовать не будет ли? Они ведь, судя по последним, кхе-кхе, данным, решили все на медведя бешеного списать?! Мол, дикая тварь из дикого леса задирает одиноких нищенок и бродяжек, и точка!

При упоминании полиции Роман снова начал тереть лоб. Ушедшая было боль вдруг снова напомнила о себе. «Держи себя в руках, Муромцев», – мысленно приказал он себе, а вслух лишь сказал:

– Что ж, мы все равно, так или иначе, обязаны установить личность последней жертвы. Независимо от причины ее смерти. Необходимо похоронить ее по-христиански, а не за кладбищенской оградой как неопознанную. Полицмейстер в курсе, я ему доложил об этом еще до ночного разговора с Рафиковым. И он дал мне добро на оные гуманистические мероприятия.

Муромцев повернулся к отцу Глебу и продолжил:

– Я сделал акцент, что это необходимо именно с точки зрения Церкви, так что спасибо вам, отец Глеб, что вы с нами.

Отец Глеб поставил чашку на стол и кивнул:

– Дело это богоугодное, Роман Мирославович, тут грех спорить – даже полицмейстеру! Так что не отвертятся, голубчики!

Глава 8

Барабанов лежал на кровати в своем номере и крепко спал. Низ спины был обмотан толстым пуховым платком – застудил поясницу. Его пыльные башмаки стояли возле стула и всем своим видом показывали, что их хозяин за прошедшую неделю много ходил и ни разу их не почистил – было совсем некогда. Нестор не пошел на утреннюю воскресную литургию, и, судя по тому, как он крепко спал, его это ничуть не беспокоило.

Вскоре в дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошли Муромцев и отец Глеб. Они в отличие от Нестора на литургии побывали и теперь с укоризной смотрели на мирно спящего Барабанова. Тот, услышав шум, открыл глаза и сел на кровати, опустив босые ноги на потертый паркет.

– Ну, и горазд же ты на сон, Нестор! – с усмешкой сказал отец Глеб.

– Так ведь почти целую неделю толком не спал, – потягиваясь и зевая, ответил тот, – то в стогу спал, то на постоялом дворе со сбродом всяким! Разве выспишься?! Один раз ночью чуть ботинки не увели, представляете? Прямо с ноги стащить хотели, тати!

Нестор рассмеялся и поковылял к умывальнику, подвязывая покрепче свой платок, а Муромцев взял в руки кувшин.

– И каковы результаты твоих страданий? – спросил Роман.

Он поливал водой голову Барабанова, а тот, фыркая, мылил ее. Грязная пена медленно потекла в таз, и в комнате запахло дегтярным мылом. Намотав на голову полотенце, Нестор сменил рубашку и, сев на стул у окна, закурил папиросу.

– Результаты есть, – уклончиво ответил он, – а у вас что?

– Я считаю, что очень близок к разгадке! – неожиданно заявил отец Глеб.

– Вот как? – удивился Муромцев. – Я готов сказать то же самое! Видите ли, дело в том, что я...

– Роман Мирославович, вы мне не верите? – перебил отец Глеб. – Ну, хорошо, тогда слушайте! Три дня назад я выяснил...

– Господа, господа! – вмешался Барабанов, до этого спокойно куривший свою папиросу и слушавший коллег. – Позвольте все-таки, я расскажу о своих поисках, тем более что они были весьма и весьма удачными!

– Что ж, извольте, – сказал Роман и сел в старое проваленное кресло.

Отец Глеб устроился на краю кровати.

– Итак, – начал Нестор, открывая пошире окно и снимая с головы полотенце, – речь пойдет о некоем селе под названием Малые Ижморы. Население там в основном состоит из вотяков, а если проще – удмуртов. Так вот, я выяснил, что в том селе жила одна девчонка-сиротка, погорелица Стеша Чаплыга.

Муромцев попытался что-то сказать, но Барабанов жестом остановил его и продолжил:

– Жила она, значит, у дальней родни первое время, а как подросла, то увязалась ходить по деревням с офенями-коробейниками. Они на телегах разный товар возят, становятся возле деревни или села, а девчонка по домам да по дворам на лотке разносила мелочь всякую на продажу хозяйкам: расписные лубки, нитки с иголками, зеркальца, гребешки, серьги с колечками и прочее. И скулила при этом жалостно, что, мол, погорелица она. Люди у таких и покупали лучше, больше из жалости.

Барабанов взял в руки умывальный таз, подошел к окну и выплеснул грязную воду. Затем посмотрел вниз – там стояла кухарка и ругалась на чем свет стоит. Нестор с довольным видом поставил таз на стол.

– Далее, – продолжил он, – этих офеней я очень долго искал. Они ведь на месте не сидят. Люд кочевой да замкнутый – полубродяги, полуцыгане, полужулики. У них даже язык свой особый есть! Сами себя они называют мазыками. Говорят, что в Христа веруют, а люди сказывают, что язычники они! Втереться к ним в доверие практически невозможно. Русский язык они знают, но при чужих на свой переходят, и тут ну ничегошеньки понять нельзя! Вот послушайте, например, такое выражение: «Кчон не мастырит, тот не бряет». Поняли что-нибудь? А ведь это наша старая поговорка: «Кто не работает, тот не ест»!

– Да, – отозвался отец Глеб, – я что-то слышал о них! У нас их просто коробейниками кличут. Говорят, что из Греции они пришли в Россию. Потому в их языке слов греческих много, однако сам язык на греческий не похож. Да и название «офени», мол, произошло от города Афины.

– Неважно, откуда они пришли, – сказал Нестор. – Важно то, что я их нашел! Тех самых, с которыми девчонка ходила наша!

– Продолжай! – оживился Муромцев, доставая папиросу из портсигара.

– Значит, так, у них что-то вроде табора цыганского. Три телеги, лошади и людей человек двадцать, из которых кто торгует, кто Писание толкует, кто стихи духовные поет. Еще скоморохи есть и паломники. В общем, довольно разношерстный люд. Живут вольной жизнью, за главного у них атаман свой... Эх...

Нестор мечтательно устремил взгляд через окно куда-то вдаль и замолчал. Он настолько проникся духом бродяжничества офеней, что уже был готов сам пуститься с ними по городам и весям с коробом за спиной, под веселую скоморошью песню с гудком и гармошкой. Муромцев похлопал его по плечу, и пепел с папиросы упал на пол. Барабанов вздрогнул, как-то сник и продолжил рассказ:

– Говорил я с их атаманом, Степаном Симоновичем. Он девочку вспомнил и рассказал, что да, мол, ходила она с ними, никто ее не обижал, но недели уж две как вдруг пропала.

Однако никто искать не кинулся – жизнь вольная, люди они свободные, может, кто и приютил сиротку из сердобольных. Так бывает. А еще есть вероятность, – сказал Барабанов и поднял палец, – что и медведь задрал, как если бы косолапые по голодной осени расшалились. На мой вопрос о том, где ее в последний раз видели, атаман ответил, что близ села Кирдасово. Ушла она с коробом в сторону села, при том условились, что ввечер встретятся на излучине реки, верстах в пяти от того места, где они расстались.

Нестор подошел к столу, убрал с него таз, оловянную пельницу, полную окурков, пустую бутылку из-под вина и рукой смахнул на пол хлебные крошки. Муромцев вытащил из дорожной сумки карту и развернул ее на столе. Нестор несколько секунд всматривался в карту, шевеля губами, и затем ткнул в нее пальцем:

– Вот, это место, друзья мои, всего в трех верстах от того, где обнаружили жертву!

Отец Глеб подошел и, не надевая очков, посмотрел через их стекла на карту. Муромцев принялся водить по ней пальцем, кивая и что-то бормоча себе под нос, а затем спросил:

– И что же дальше? Ты побывал в Кирдасово?

– Обижаете, Роман Мирославович! Нешто мы не настоящие сыщики?! Разумеется, я первым делом отправился в это самое Кирдасово! Опросил всех, – Нестор смутился, – ну, почти всех жителей. И вспомнили ее люди тамошние! Была, говорят, такая девчонка, погорелица, вся замурзанная и ху-

дая как щепка! Барахло всякое продавала. Так вот, прошла она через село и двинулась напрямки, к излучине!

Барабанов поставил палец на карту и медленно повел его в сторону еле видной речки:

– Вот тут, значит, излучина, куда она шла! Видно, заплутала, и нашли ее вот здесь, – он переставил палец с обгрызенным ногтем. – Я весь этот путь прошел сам! Заблудиться там легче легкого.

Нестор убрал руки за спину и с улыбкой посмотрел на Романа и отца Глеба. Весь его вид говорил – вот вам и Барабанов, замешанный в политике неблагонадежный товарищ, как бы не так, выкусите!

– Послушай, Нестор, – сказал отец Глеб, – а может, все же не она это? Откуда такая уверенность?

Барабанов налил из кувшина в грязный стакан воды и залпом выпил. Затем вытер губы рукавом рубахи и тихо ответил:

– Нет, отец Глеб. Наша это девочка. Я особые приметы повыспрашивал у людей. Все сходится – верхнего бокового резца нет, щербатая она была и хроменькая еще. Череп хоть и разбит, да зубы целы у жертвы. И резец отсутствует. С костями ног чуть сложнее вышло, они ведь переломаны все были, но все же левая нога чуть короче. Нет никаких сомнений, что это именно та девочка, труп которой нашли в лесу.

Барабанов снова закурил и замолчал.

– Как, ты говоришь, ее звали? – спросил Муромцев.

– Стешей, – глухо отозвался Нестор. – Я потом с оказией добрался на почтовом возке до Малых Ижмор и точно установил личность потерпевшей. Звали ее Стефанида Петровна Чаплыга, двенадцать полных лет на момент смерти. Была сиротою, уроженка Малых Ижмор.

Глава 9

Отец Глеб, спрятав очки в карман, подошел к Барабанову и сказал, пожимая ему руку:

– Поздравляю, Нестор. Ты действительно хорошо поработал, тут не поспоришь. То, что тебе удалось выяснить, – очень важная информация.

Нестор в ответ улыбнулся и делано поклонился.

– Благодарю, я очень старался, – ответил он, – знаете ли, хочется быстрее дело раскрыть и уехать назад, в столицу. Однако, отец Глеб, вы ведь тоже нам хотели что-то рассказать?

Отец Глеб сложил руки на груди и ответил:

– Конечно, хотел. И теперь, если вы не против, я поделюсь своими находками и соображениями.

– Прошу вас, отец Глеб, мы вас внимательно слушаем, – подал голос Муромцев.

– Хорошо, – начал священник, – вы знаете, что мне досталась восточная часть уезда. В нее вошло также около двадцати сел и деревень. Ноги мои уже не такие сильные, как у тебя, Нестор. Поэтому первым делом я отправился к местному батюшке, у которого выпросил бричку. Жеребцы оказались на удивление резвыми, еле управлялся с ними поначалу. Пару раз думал – вот понесут они, и все, убьюсь в овраге каком-нибудь. Но Господь миловал, обошлось. Приноровился я к ним и все деревни, стало быть, на этой бричке объехал.

Первое впечатление, конечно, было весьма удручающим. Не думал я, что такая нищета может быть из-за неурожая. Деревни полупустые стоят, собаки голодные стаями рыскают, жеребцам моим ноги покусали! Словно волки дикие!

Отец Глеб подошел к столу и стал рыться в своей сумке, продолжая рассказ:

– Многие из деревень в город на заработки ушли, кто-то скитается и побирается Христа ради, а те, кто остался, по лесам бродят днями да ночами, грибы-ягоды собирают, зверя мелкого добывают и рыбу удят. Своевольничают, конечно. Бывает, что и арестовывают этих браконьеров.

Отец Глеб и Муромцев вдруг вздрогнули от громкого стука – это Барабанов с силой ударил кулаком по столу. Глаза его горели, а кулаки были сжаты так, что пальцы побелели.

– Полноте, Нестор, – успокоил его Роман, – не стоит так переживать. Однако продолжайте, отец Глеб, прошу вас.

– Хорошо, Роман Мирославович, – ответил отец Глеб, косясь на Барабанова, – так вот, я составил специальный реестр, который нам поможет в поисках! В этом реестре можно будет увидеть, отчего и куда дети уходят, да так, что их потом и не найти.

Отец Глеб взял один из листков, которые он разложил на столе. На нем аккуратно, под линейку, была начерчена таблица, ее графы были заполнены мелким, убористым почерком.

– Вот, господа, прошу вашего внимания, – с жаром про-

должал он, – вот здесь, в первой графе записаны фамилии или прозвища детей. Напротив каждого – запись, куда подался: ушел на заработки в город, собирательством занимается, бортничеством, охотой и рыбалкой. Есть те, кто к артельным людям прибился или к бурлакам. Кружком я обвел фамилии тех, от кого давно или вовсе вестей не было. Далее, более трудная для поиска группа – те, что ушли бродяжничать да торговать с офенями твоими, Нестор, либо к лихим людям подались.

– Даже так? – удивленно спросил Муромцев, с любопытством разглядывая таблицу.

– Да, Роман Мирославович, – с горечью в голосе ответил отец Глеб, – в некоторых деревнях люди сказывали, как своих же детишек видели с шайками разбойников, что по лесам прячутся да на ямщиков и одиноких путников нападают.

– Весьма печально, весьма, – задумчиво сказал Муромцев. – Но к делу, господа. За какой срок этот реестр составлен?

– За последние пять лет, Роман Мирославович! – четко, по-солдатски выпалил отец Глеб.

– Мда, немало... Сколько у вас в сумке таких листов?

– Много, Роман Мирославович. Но вы поймите, я вот как подумал: ежели наш убийца все-таки существует, то он мог «работать» не только этим летом, но и раньше! По моему предположению, он давно на детишек охотится, прости Господи, вот я и решил это отследить. Тут они все, которые от

родителей ушли невесть куда, – всего двадцать семь душ.

Нестор с трудом поднялся с кровати, поглаживая поясницу, и стал вчитываться в список, кусая губы. Муромцев закурил очередную папиросу и посмотрел на часы. Отец Глеб собрал лежавшие на столе листки, аккуратно сложил их стопкой и передал Роману со словами:

– Разумеется, коллеги, мы не можем с полной уверенностью сказать, что все пропавшие подростки стали жертвой нашего убийцы-психопата. Но, согласитесь, чисто теоретически они могли бы ими стать? Ведь, по сути, все дети из списка – пропавшие без вести. Проблема в том, что у нас сейчас никак не получится отследить их местонахождение из-за того, что по малолетству у них ни у кого нет документов. Даже если их и поймала полиция, нет никакой уверенности, что назвались они своими именами. А самое страшное то, что если пятеро, да хоть десять из них пропадут с лица земли – никто о том не узнает.

– Это ужасно, – сквозь зубы процедил Барабанов, – просто невыносимо!

Он ударил ногой по тазу, и тот, громко звеня, покатился по полу.

– Как такое возможно? Мы живем в просвещенное время! Такие прорывы в науке, искусстве! А тут, в тысяче километров от столицы, – средневековые, мрак и разруха! Дети пропадают без следа, и никому дела нет!

– Ну, это ты погорячился, что дела нет, – ответил Муром-

цев, – как раз есть дело!

– Вам тоже есть, что нам рассказать, Роман Мирославович? – спросил Нестор.

– А как же! Но прежде всего позвольте мне вас поблагодарить за проделанную работу! Вы действительно отлично потрудились, не за страх, а за совесть, как говорится! Ну, а теперь моя очередь, слушайте.

Глава 10

Муромцев сидел в кресле и смотрел в окно, в котором отражались темные грозовые облака. Нестор и отец Глеб терпеливо молчали в ожидании рассказа начальника. Наконец Роман стукнул ладонями по облезлым деревянным ручкам и сказал:

– Коллеги, думаю, что для вас, как и для меня, вполне очевиден тот факт, что убийца подбирает себе жертвы среди тех, кого никто не станет искать. А если труп и обнаружат, то его похоронят без лишнего шума.

Отец Глеб и Барабанов согласно закивали.

– Но тут возникает следующий вопрос, – воодушевленно продолжил Роман, вставая, – как поступал он с телами? Пытался скрыть или оставлял на виду, выдав свое кровавое дело за нападение медведя или другого зверя? Вывод напрашивается однозначный – последнее. Посудите сами! Если тело прятать, то лучше всего его закапывать, так? Нужно носить с собой лопату, а это слишком заметно, тем более в лесу! Закапывать надо глубоко, чтобы звери не добрались. Опять же, это отнимает много сил и времени, даже если копать могилу заранее. Вот я и решил сконцентрироваться на жертвах нападения диких животных.

Муромцев достал из кармана брюк портсигар, который оказался пустым. Нестор вытащил свои папиросы и предло-

жил Роману со словами:

– Прошу вас, Роман Мирославович, курите мои. Только прошу вас – продолжайте!

Роман закурил, погасил спичку и сунул ее обратно в коробок.

– Благодарю, Нестор, – улыбнулся он, выдыхая дым в потолок. – Да, продолжаю! Для начала я решил узнать у старост из деревень и сел своего сектора о похожих случаях, когда обнаруженные неопознанные тела списывали на нападение животных. Делать это надо было аккуратно, ведь если бы я стал действовать официально, по полицейским каналам, так сказать, то вряд ли мне что-то удалось бы узнать.

– Это почему еще? – удивился Барабанов.

– А потому, мой юный друг, что для общины выгоднее и спокойнее не докладывать о таких случаях властям. Ведь если начнется следствие, то понаедут полицейские, начальство, придется их ублажать всячески и взятки совать, чтобы дело замять, – одни расходы и головная боль, в общем. Как поется в песне на стихи Некрасова:

Суд приехал... допросы... – тошнехонько!

Догадались деньжонок собрать:

Осмотрел его лекарь скорехонько

И велел где-нибудь закопать.

Барабанов вновь потемнел лицом и заходил по комнате.

– Нестор, сядь, не мельтеши перед глазами, – прикрикнул

на него отец Глеб. Тот уселся назад на кровать и обхватил руками голову.

– Так вот, – продолжил Муромцев, – куда проще для всех, когда жертва неопознанная: похоронили тихонько на отшибе кладбища, никому не сказав, и забыли благополучно. Поэтому, друзья, я и решил представиться младшим чиновником из управления статистики.

Отец Глеб посмотрел на Романа и улыбнулся:

– И вам поверили? Бумаг ведь нет у вас!

– Поверили, тем более я сразу заявил, что буду выдавать денежную премию тем, кто организует захоронение неопознанных погибших, мол, сейчас положено платить представителям власти за исполнение христианских обязанностей.

Нестор с отцом Глебом переглянулись и тихо засмеялись.

– И как? Сработала ваша хитрость? – спросил Нестор.

– Еще как сработала! Правда, деньги пришлось использовать из нашего фонда. Что поделать, непредвиденные расходы, – ответил Роман к явному неудовольствию Барабанова. – Мне надо было полностью соответствовать придуманной легенде, Нестор. Не из вашего же кармана платил ведь!

– В нашем случае так и получается, – пробурчал тот в ответ и насупился.

– В нашем случае главное, господин Барабанов, – строго ответил Муромцев, – результат!

– Конечно, Роман Мирославович, прошу прощения, – ответил Нестор.

Внезапно порывом ветра распахнуло окно, створка с силой ударила в откос, и стекло в ней треснуло красивой паутиной. Отец Глеб подбежал к окну и закрыл его на щеколду со словами: «Вот беда, вот беда».

— Гроза приближается, видно, — сказал Роман. — Ну да ладно, вернемся к делу. Значит, узнав о премии, старосты из кожи вон лезли, чтобы показать мне могилы, где хоронили неопознанных. Там, помимо загрызенных зверями, были и утопленники, и самоубийцы, а также жертвы разбойников. Нашлись и могилы подростков. Некоторых, со слов старост, зверье так погрызло, что и хоронить нечего было. Видимо, действительно дикие животные напали. По времени я копнул чуть глубже, чем вы, отец Глеб, — на десять лет. Так вот, за этот период я насчитал сорок шесть случаев обнаружения и захоронения неопознанных тел. Из них жертв детского возраста — тридцать две, среди которых двадцать восемь девочек! Как вам такая статистика, господа? Есть о чем подумать, не правда ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.